

К вопросу о трансформации социальных отношений в контексте возникновения «нового»

Морозова Оксана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета экономики и управления «НПНХ»,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52

ORCID 0000-0003-4743-1548

mov-777@mail.ru

Аннотация

В научном контексте исследование типов трансформации социальных отношений приобретает особую значимость в связи с ростом неопределенности и нестабильности социальных процессов в современных условиях ускорения темпов общественных изменений. Целью исследования является выявление и теоретическое обоснование основных типов трансформации социальных отношений в контексте возникновения и распространения «нового» как социокультурного феномена, а также анализ механизмов влияния инновационных процессов на изменение социальной структуры, общественных взаимодействий и форм социальной организации. Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, объединяющем положения социальной философии, социологии, теории модернизации, культурологии и теории социальных изменений. В исследовании применяются системный, социокультурный подходы, историко-сравнительный метод, метод типологизации, метод социально-философского анализа. Предметом исследования выступают социально-философские закономерности трансформации социальных отношений, обусловленные возникновением и включением «нового» в общественную жизнь, а также механизмы, посредством которых оно приобретает общественное значение и становится фактором изменения структуры, содержания и способов воспроизводства социальных взаимодействий. Результаты исследования показали связь сущностных характеристик «нового» и механизмов социокультурного изменения. Определены институциональный, коммуникативный, технологический, ценностно-культурный и стратификационный тип трансформации социальных отношений в условиях возникновения и распространения «нового» как социокультурного феномена. Сделан вывод о том, что возникновение и распространение «нового» как социокультурного феномена выступает одним из ключевых механизмов исторической динамики общества, определяющим характер и направление трансформации социальных отношений. «Новое» не сводится исключительно к техно-

логическим инновациям или институциональным изменениям, поскольку затрагивает одновременно ценностные ориентиры, формы коммуникации, механизмы социальной организации и способы общественного взаимодействия. Именно поэтому процессы общественного развития сопровождаются многоуровневой перестройкой социальной структуры, в которой изменения в одной сфере неизбежно инициируют преобразования в других. Исследование может быть полезно для дальнейшего изучения динамики общественных процессов и механизмов социального развития.

Ключевые слова: «новое», социальные отношения, источники и механизмы социокультурного изменения, социальная трансформация, инновации, социальная структура, общественное развитие.

On the Transformation of Social Relations in the Context of the Emergence of the “New”

Oksana Morozova,

Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,

Associate Professor, Department of Philosophy and Humanities

Novosibirsk State University of Economics and Management,

52 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4743-1548>

mov-777@mail.ru

Abstract

In the scientific context, the study of the types of transformation of social relations is of particular importance due to the increasing uncertainty and instability of modern social processes in modern conditions of accelerating the pace of social change. The purpose of the research is to identify and theoretically substantiate the main types of transformation of social relations in the context of the emergence and spread of the ‘new’ as a socio-cultural phenomenon, as well as to analyze the mechanisms of the impact of innovation processes on changes in social structure, social interactions and forms of social organization. The research methodology is based on an interdisciplinary approach combining the provisions of social philosophy, sociology, modernization theory, cultural studies and theory of social change. The study uses systematic, socio-cultural approaches, historical and comparative method, method of typologization, method of socio-philosophical analysis. The subject of the research is the socio-philosophical patterns of transformation of social relations caused by the emergence and inclusion of the new in public life, as well as the mechanisms through which the new acquires social significance and becomes a factor in changing the structure, content and ways of reproducing social interactions. The results of the study showed the connection between the essential characteristics of the ‘new’ and the mechanisms of socio-cultural change. The institutional, communicative, technological, value-cultural and stratification type of transformation of social relations in the context of the emergence and spread of the ‘new’ as a socio-cultural phenomenon are determined. It is concluded that the emergence

and spread of the ‘new’ as a sociocultural phenomenon is one of the key mechanisms of the historical dynamics of society, determining the nature and direction of the transformation of social relations. The ‘new’ is not limited solely to technological innovations or institutional changes, as it simultaneously affects value orientations, forms of communication, mechanisms of social organization and ways of social interaction. That is why the processes of social development are accompanied by a multilevel restructuring of the social structure, in which changes in one area inevitably initiate transformations in others. The study may be useful for further study of the dynamics of social processes and mechanisms of social development.

Keywords: the ‘new’, social relations, sources and mechanisms of sociocultural change, social transformation, innovations, social structure, and social development.

Библиографическое описание для цитирования:

Морозова О.В. К вопросу о трансформации социальных отношений в контексте возникновения «нового» // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 3, ч. 1. – С. 185–210. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-185-210.

Morozova O. On the Transformation of Social Relations in the Context of the Emergence of the “New”. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 3, pt. 1, pp. 185–210. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-185-210.

Введение

В современной научной литературе, несмотря на значительное количество исследований, отсутствует целостный теоретический подход к определению типов трансформации социальных отношений, возникающих под воздействием «нового» как социокультурного феномена. Процессы инновационного развития, цифровизации, модернизации и изменения коммуникационных практик чаще всего рассматриваются фрагментарно – либо в технологическом, либо в культурном, экономическом или институциональном аспекте. Однако недостаточно исследованным остается вопрос о том, каким образом возникновение и распространение «нового» влияет на систему социальных отношений, механизмы общественного взаимодействия и структуру социальной организации общества. В результате сохраняется необходимость концептуального осмысления взаимосвязи между возникновением нового и трансформацией социальной реальности.

Социально-философский анализ данной проблемы требует обращения прежде всего к самому понятию «новое». Без определения его сущностных признаков невозможно установить критерии отличия нового от иных форм социальных изменений, раскрыть специфику его общественного функционирования и объяснить причины неодинако-

вого воздействия различных нововведений на социальные отношения. Понимание природы нового позволяет определить, при каких условиях оно становится фактором общественного развития, каким образом включается в систему социальных взаимодействий и почему его распространение сопровождается различными типами социальных трансформаций.

Определение и сущностные характеристики «нового» как социокультурного феномена

В современной социальной и философской науке категория «нового» рассматривается в контексте инноваций, модернизации, культурной динамики и общественных трансформаций. Несмотря на отсутствие единого универсального определения «нового» как социокультурного феномена, многие исследователи анализировали его через процессы изменения социальных отношений, коммуникационных механизмов и культурных практик. Научные концепции данных авторов позволяют рассматривать «новое» как фактор общественного развития и трансформации социальной структуры (см. таблицу).

Общим для большинства исследователей является понимание «нового» как фактора общественных изменений. Практически все концепции исходят из того, что инновации, новые технологии, формы коммуникации или культурные практики приводят к трансформации социальной структуры и изменению общественных отношений. Различия же заключаются в определении природы инноваций, ведущих механизмов общественных изменений и оценки последствий распространения «нового».

Анализ представленных концепций позволяет сделать вывод о том, что экономические, социокультурные, коммуникативные и футурологические концепции дополняют друг друга, позволяя рассматривать «новое» как комплексный социокультурный феномен, влияющий на все сферы общественной жизни.

В контексте исследования трансформации социальных отношений в условиях возникновения и распространения «нового» значимым представляется анализ сущностных характеристик «нового», поскольку позволяет определить, какие именно свойства инноваций обеспечивают их способность изменять социальные институты, механизмы коммуникации и стратификационную структуру общества. Исследование природы «нового» позволяет выявить внутренние механизмы общественной динамики и понять, каким образом инновационные процессы воздействуют на устойчивость и изменчивость социальной системы.

Подходы ученых к пониманию «нового» как социокультурного феномена

The approaches of scientists to understanding the “new” as a socio-cultural phenomenon

№ п/п	Ученый	Понимание «нового»	Социокультурное значение концепции
1	Йозеф Шумпетер [17]	«Новое» связано с внедрением инноваций и «новых комбинаций» факторов производства	Инновации изменяют экономические и социальные отношения, способствуют формированию новых общественных структур
2	Эверетт Роджерс [19]	Инновация – идея или практика, воспринимаемая как новая членами общества	Распространение «нового» зависит от коммуникационных процессов и общественного восприятия
3	Питирим Сорокин [10]	«Новое» возникает в процессе смены культурных систем и ценностей	Культурная динамика изменяет формы общественного взаимодействия и социальную структуру
4	Дэниел Белл [3]	«Новое» связано с ростом роли знания, науки и информации	Постиндустриальное общество формирует новые социальные институты и механизмы управления
5	Мануэль Кастельс [7]	«Новое» проявляется через развитие сетевых коммуникаций и информационных технологий	Сетевое общество изменяет формы социальной организации и общественных связей
6	Элвин Тоффлер [12]	«Новое» рассматривается как результат цивилизационных и технологических волн	Технологические изменения трансформируют образ жизни, культуру и общественные отношения
7	Олег Альбертович Донских [4, 5]	Инновации понимаются как изменение культурных смыслов и общественных практик	«Новое» влияет на общественное сознание и механизмы культурной адаптации

Источник: выполнено автором.
Source: performed by the author.

Одной из ключевых характеристик «нового» является *инновационность*, связанная с возникновением ранее не существовавших форм деятельности, технологий, способов коммуникации или моделей общественного

поведения. При этом инновационность проявляется не только в техническом обновлении, но и в изменении социальных практик и механизмов общественной организации. Как отмечал Й. Шумпетер, инновации становятся фактором общественного развития, поскольку приводят к возникновению новых комбинаций экономической и социальной деятельности [17, с. 158–174].

Важной характеристикой «нового» выступает его *трансформационный потенциал*. Возникновение новых технологий, культурных практик или форм социальной коммуникации неизбежно влияет на существующую систему социальных отношений. Под воздействием «нового» изменяются механизмы социальной интеграции, распределения социальных ролей и функционирования общественных институтов. В данном контексте «новое» становится источником социальной динамики и структурных изменений общества.

Следующей характеристикой является *коммуникативная обусловленность* «нового». Распространение инноваций невозможно вне системы общественной коммуникации. Новые идеи, нормы и практики приобретают социальное значение только в процессе их передачи, обсуждения и общественного признания. Э. Роджерс подчеркивал, что инновация представляет собой идею или практику, воспринимаемую как новая, а ее распространение зависит от особенностей коммуникационных процессов в обществе [19, р. 5–12].

Существенной характеристикой «нового» является его *противоречивость*. Возникновение инноваций нередко сопровождается общественным сопротивлением, поскольку «новое» может восприниматься как угроза устойчивости традиционной социальной системы. Здесь возможны два варианта: либо общество в принципе не принимает никаких изменений и если они все же проникают в общество, то незаметным для членов общества путем и крайне медленно. Либо второй вариант: общество одновременно стремится к модернизации и сохранению сложившихся механизмов общественного взаимодействия. В результате инновационные и традиционные элементы социальной структуры длительное время сосуществуют в едином общественном пространстве.

К числу важнейших характеристик «нового» относится его *социокультурная обусловленность*. Процессы возникновения и распространения инноваций зависят от культурных ценностей, исторического опыта общества и уровня готовности социальной системы к изменениям. Одни и те же инновации могут по-разному восприниматься в различных обществах в зависимости от доминирующих культурных норм и моделей общественного поведения. По мнению Р. Инглхарт, модернизационные процессы сопровождаются изменением ценностных ориентаций общества и переходом к новым формам социальной самоорганизации [6, с. 109–136].

Неотъемлемой характеристикой «нового» выступает его способность *изменять механизмы социальной идентификации*. Возникновение новых форм коммуникации, профессиональной деятельности и культурных практик приводит к формированию новых социальных групп, моделей поведения и способов самоопределения личности в обществе. Особенно ярко данная тенденция проявляется в условиях цифровизации и развития сетевого общества.

Кроме того, «новое» обладает высокой степенью *динамичности*. Инновационные процессы характеризуются ускорением темпов распространения изменений и постоянным обновлением социальных практик. Вследствие этого современное общество функционирует в условиях непрерывной адаптации к изменяющимся социальным, технологическим и культурным условиям.

Сущностные характеристики «нового» определяют направления, формы и интенсивность социальных трансформаций, затрагивая механизмы общественного взаимодействия, структуру социальных институтов и способы социальной интеграции, обуславливая взаимосвязь между характеристиками «нового» и типами трансформации социальных отношений.

Типы трансформации социальных отношений в контексте возникновения и распространения «нового»

Сущностные характеристики «нового» как социокультурного феномена непосредственно определяют направления и типы трансформации социальных отношений.

1. Институциональная трансформация

Инновационность как одна из ключевых характеристик «нового» оказывает непосредственное влияние на институциональный тип трансформации социальных отношений. Институциональная трансформация связана с изменением социальных институтов и механизмов регулирования общественной жизни.

Одним из примеров является переход от традиционного аграрного общества к индустриальному в период промышленной революции.

Развитие машинного производства, фабричной системы и капиталистических форм хозяйствования привело к разрушению традиционных механизмов экономической организации и возникновению новых институтов, определявших функционирование индустриального общества. Данные изменения затронули формы собственности, организацию труда, систему занятости, механизмы обмена и принципы регулирования экономической деятельности.

Одним из важнейших изменений стало постепенное исчезновение натурального хозяйства как доминирующего экономического института

аграрного общества. В традиционной аграрной системе производство было ориентировано преимущественно на внутреннее потребление семьи или общины, а экономические отношения основывались на локальном обмене и ограниченной рыночной интеграции. Развитие промышленности и рост товарного производства привели к расширению рыночных отношений и усилению зависимости хозяйственной деятельности от денежного обмена. Вследствие этого натуральное хозяйство постепенно утратило свое определяющее значение.

Существенной трансформации подвергся институт цехового ремесла. В доиндустриальном обществе ремесленные цехи регулировали производство, контролировали качество продукции, ограничивали конкуренцию и определяли профессиональную организацию труда. Однако развитие фабричного производства и машинной техники привело к разрушению цеховой системы. Мануфактуры и фабрики обеспечивали более высокую производительность труда и массовый выпуск продукции, что сделало традиционные ремесленные формы хозяйствования экономически менее эффективными. Э. Хобсбаум отмечал, что промышленная революция сопровождалась разрушением старых производственных структур и формированием фабричной системы организации труда [15, с. 69–96].

Одновременно возник новый экономический институт – фабрично-заводское производство. Фабрика стала ключевой формой организации индустриальной экономики, основанной на использовании машинного труда, разделении производственных функций и концентрации рабочей силы. В отличие от ремесленного производства, фабричная система предполагала стандартизацию труда, дисциплинарный контроль и подчинение производственного процесса техническим механизмам. Возникновение фабрик привело к формированию индустриального рабочего класса и изменению структуры занятости населения.

Важным новым институтом стала система наемного труда. Если в аграрном обществе значительная часть населения была связана с землей и традиционными формами зависимости, то индустриальное производство требовало свободной рабочей силы. В результате происходило разрушение феодальных форм личной зависимости и формирование рынка труда, основанного на продаже рабочей силы за заработную плату. К. Поланьи подчеркивал, что становление рыночной экономики сопровождалось превращением труда в товар и формированием новых механизмов экономического регулирования [9, с. 90–108].

Промышленная революция также способствовала развитию института капиталистического предпринимательства. Возникновение крупных промышленных предприятий, расширение торговли и необходимость финансирования производства усилили роль предпринимателей как органи-

зателей экономической деятельности. Вследствие этого изменились формы собственности и механизмы распределения капитала. Й. Шумпетер рассматривал предпринимательство и инновации как основу экономического развития и возникновения новых форм хозяйственной организации [17, с. 158–181].

Существенное значение приобрели финансовые институты индустриального общества. Развитие банковской системы, кредитных механизмов и инвестиционных инструментов стало необходимым условием функционирования промышленной экономики. В отличие от аграрного общества, где финансовые отношения носили ограниченный характер, индустриализация потребовала масштабного привлечения капитала и развития институтов долгосрочного финансирования производства.

Параллельно происходило становление института свободного рынка. Расширение промышленного производства и международной торговли способствовало формированию конкурентной рыночной экономики, основанной на принципах свободного обмена и экономического либерализма. Усиливалась роль контрактных отношений, денежного обращения и товарной специализации производства.

Следствием индустриализации стало и появление новых институтов социальной защиты и регулирования трудовых отношений. Рост фабричного производства сопровождался ухудшением условий труда, что привело к возникновению профсоюзов, трудового законодательства и механизмов государственного регулирования занятости. Таким образом, индустриальное общество постепенно формировало новые способы социального регулирования экономической деятельности.

Таким образом, переход от аграрного общества к индустриальному сопровождался разрушением традиционных экономических институтов – натурального хозяйства, цехового ремесла и феодальных форм зависимости – и возникновением новых институтов фабричного производства, наемного труда, капиталистического предпринимательства, финансовой системы и рыночной экономики. Данные изменения стали основой трансформации социальной структуры общества и формирования индустриального типа общественной организации.

Развитие машинного производства, урбанизация, формирование фабричной экономики и рост капиталистических отношений затронули также институт семьи, образования, социальной стратификации, политического управления и общественной коммуникации.

Одним из важнейших изменений стало ослабление традиционного института общины. В аграрном обществе сельская община выступала основой социальной организации, регулировала хозяйственную деятельность, распределение ресурсов и формы общественного взаимодействия.

Община обеспечивала коллективный контроль над землей, поддержание социальных норм и воспроизводство традиционного уклада жизни. Однако индустриализация и развитие рыночной экономики способствовали разрушению локальных коллективных связей. Массовая миграция населения в города и переход к фабричному производству привели к постепенному снижению роли общинных форм организации общества.

Существенной трансформации подвергся институт семьи. В аграрном обществе семья выполняла одновременно производственные, хозяйственные и социальные функции. Домашнее хозяйство являлось центром экономической деятельности, а труд членов семьи был тесно связан с сельскохозяйственным производством. Развитие индустриального производства привело к разделению семейной и производственной сфер. Работа все чаще осуществлялась вне домашнего пространства – на фабриках и предприятиях. Вследствие этого изменялись внутрисемейные отношения, распределение социальных ролей и функции семьи как социального института. Э. Хобсбаум отмечал, что промышленная революция сопровождалась перестройкой социальной структуры и изменением традиционных форм общественной организации [15, с. 203–228].

Как было отмечено выше, важным новым институтом стал рынок наемного труда. Возникновение рынка труда сопровождалось формированием новых социальных групп – промышленной буржуазии и рабочего класса. К. Поланьи подчеркивал, что развитие рыночной экономики сопровождалось разрушением традиционных социальных связей и становлением новых механизмов социальной организации [9, с. 90–108].

Существенное развитие получил институт массового образования. Индустриальное общество нуждалось в подготовке грамотных и дисциплинированных работников, способных участвовать в производственном процессе и управлении техникой. Вследствие этого государство постепенно расширяло систему школьного образования, вводило обязательное обучение и формировало новые модели профессиональной подготовки. Образование становилось важнейшим механизмом социальной интеграции и профессиональной социализации.

Промышленная революция способствовала и развитию института профсоюзов. Ухудшение условий труда, рост социальной дифференциации и эксплуатация наемных работников привели к возникновению рабочих организаций, защищавших экономические и социальные интересы трудящихся. Профсоюзы стали новым механизмом коллективного представительства и регулирования трудовых отношений.

Изменения затронули и политические институты. Рост городского населения, развитие капиталистической экономики и усиление социальной мобильности способствовали постепенной трансформации сословной

системы и развитию институтов представительной демократии. Усиливалась роль государства в регулировании экономики, социальной политики и трудовых отношений.

Особое значение имело возникновение института массовой городской культуры. Урбанизация привела к формированию новых форм общественной коммуникации, досуга и социальной идентичности. Город становился пространством интенсивного социального взаимодействия и культурных изменений.

Таким образом, переход от аграрного общества к индустриальному сопровождался исчезновением традиционных социальных институтов: общины, цехового ремесла и патриархальных форм организации труда и возникновением новых институтов фабричного производства, наемного труда, массового образования, профсоюзного движения и индустриального государства. Данные изменения стали основой формирования индустриального общества и новой системы социальных отношений.

Одним из базовых механизмов функционирования и воспроизводства социальных институтов выступают гендерные отношения. Изменение экономических, политических, образовательных и культурных институтов неизбежно сопровождается трансформацией гендерных ролей, моделей социального взаимодействия и распределения общественных функций между мужчинами и женщинами. В то же время изменение гендерных отношений само становится фактором институциональной трансформации общества, поскольку влияет на механизмы социальной мобильности, структуру занятости, систему власти и формы общественной коммуникации.

Переход от аграрной экономики к индустриальному производству привел к трансформации традиционного распределения социальных ролей между мужчинами и женщинами. Изменение характера труда, расширение промышленного производства и развитие техники способствовали формированию новых моделей участия женщин в экономической, общественной и культурной жизни.

Одним из наиболее значимых изменений стало расширение участия женщин в общественном производстве. В традиционном аграрном обществе женская деятельность преимущественно ограничивалась домашним хозяйством и семейной сферой. Индустриализация привела к росту фабричного производства и увеличению потребности в наемной рабочей силе, вследствие чего женщины стали активно вовлекаться в промышленный труд. Работа на фабриках и предприятиях способствовала постепенному выходу женщин за пределы исключительно семейных функций и расширению их участия в общественной жизни. [15, с. 69–96].

Существенным изменением стало формирование экономической самостоятельности женщин. Получение заработной платы и участие в про-

изводственных процессах постепенно изменяли зависимое положение женщин в семье и обществе. Хотя гендерное неравенство в оплате труда и условиях занятости продолжало сохраняться, индустриальное производство создало предпосылки для изменения социального статуса женщин и расширения их экономических возможностей.

Индустриализация также привела к трансформации семейных отношений. В аграрном обществе семья выступала одновременно производственной и хозяйственной единицей, тогда как развитие фабричного производства способствовало разделению домашнего и производственного труда. Вследствие этого изменились функции семьи, структура внутрисемейных отношений и распределение обязанностей между мужчинами и женщинами. Постепенно усиливалась тенденция к снижению экономической зависимости семьи от традиционного домашнего хозяйства.

Значительные изменения затронули сферу образования и профессиональной подготовки женщин. Развитие промышленности и усложнение производственных процессов обусловили необходимость расширения системы образования и подготовки квалифицированных кадров. Женщины получили более широкий доступ к обучению и профессиональной деятельности, что способствовало росту их социальной активности и участию в общественной жизни.

Развитие техники и технологий оказало влияние и на изменение общественных представлений о гендерных ролях. Постепенно ослабевало традиционное восприятие женщины исключительно как хранительницы домашнего пространства. Формировались новые модели женской социальной идентичности, связанные с профессиональной деятельностью, образованием и общественным участием. В результате изменялись механизмы социальной коммуникации и взаимодействия между полами.

Особенно значительные трансформации произошли в XX веке под воздействием научно-технического прогресса и развития информационных технологий. Автоматизация производства, распространение интеллектуального труда и цифровизация экономики способствовали снижению значения физического труда и расширению возможностей профессиональной реализации женщин [7, с. 92–118].

Технологическое развитие также повлияло на изменение механизмов социальной мобильности женщин. Возникновение новых профессиональных сфер, дистанционных форм занятости и цифровых платформ расширило возможности участия женщин в экономической деятельности и общественной коммуникации. Это способствовало постепенному изменению гендерной структуры занятости и перераспределению социальных ролей.

Как показал анализ, гендерные отношения выступают индикатором и одновременно механизмом трансформации социальных институтов об-

щества, поскольку изменение способов производства, форм общественной организации и культурных ценностей приводит к перераспределению социальных ролей между полами, а изменение гендерных моделей взаимодействия, в свою очередь, способствует перестройке экономических, политических и культурных институтов.

Таким образом, гендерные отношения являются не только отражением существующей социальной структуры, но и активным фактором институциональных изменений. Их трансформация свидетельствует о глубинных изменениях в системе общественных отношений и механизмах социальной организации.

Другим примером может служить развитие информационных технологий и переход к электронным формам управления, которые привели к изменению характера коммуникации между государством и гражданами, а также к перестройке традиционных моделей функционирования государственных институтов. Цифровизация государственного управления затронула административные процедуры, формы предоставления услуг, механизмы социальной идентификации и способы участия граждан в общественно-политических процессах.

Одним из наиболее значимых изменений стало сокращение непосредственного бюрократического взаимодействия между гражданином и государственным аппаратом. Если в традиционной модели значительная часть административных процедур требовала личного присутствия, длительного документооборота и многоуровневой системы согласований, то цифровые сервисы обеспечили возможность дистанционного получения государственных услуг. Электронные платформы позволили автоматизировать процессы подачи заявлений, регистрации документов, получения справок и осуществления платежей. В результате изменился сам механизм взаимодействия граждан с государственными институтами, он стал менее персонализированным и более технологически опосредованным.

Существенной трансформации подверглись механизмы социальной коммуникации между государством и обществом. Цифровые сервисы обеспечили ускорение обмена информацией, повышение доступности государственных услуг и расширение каналов обратной связи. Возникли новые формы электронного взаимодействия, основанные на использовании интернет-платформ, мобильных приложений и цифровой идентификации личности. М. Кастельс подчеркивал, что информационные технологии изменяют формы социальной организации и механизмы общественного взаимодействия, формируя сетевую структуру современного общества [7 с. 92–118].

Важным изменением стало повышение прозрачности деятельности государственных институтов. Электронные системы документооборота,

цифровые базы данных и открытые информационные ресурсы способствовали снижению информационной закрытости административных структур. Граждане получили более широкий доступ к государственным услугам, нормативным документам и механизмам контроля за деятельностью органов власти. Это способствовало изменению модели отношений между государством и обществом в сторону большей открытости и публичности.

По мнению Д. Белла, развитие постиндустриального общества сопровождается изменением структуры социальных институтов и усилением роли информационных технологий в управлении обществом [3, с. 497–603].

Одновременно цифровизация государственного управления привела к изменению института гражданской идентичности. Электронные формы регистрации, цифровые профили и системы идентификации стали важнейшими элементами взаимодействия личности с государственными структурами. Возникновение электронного государства сопровождалось формированием новых механизмов социальной интеграции и контроля, основанных на обработке цифровых данных и информационных потоков.

Существенные изменения произошли и в сфере политического участия граждан в социальной жизни. Цифровые технологии расширили возможности общественной коммуникации, коллективного обсуждения и участия в политических процессах. Электронные обращения, онлайн-голосования, цифровые общественные платформы и государственные порталы способствовали развитию новых форм взаимодействия между гражданами и политическими институтами. Э. Тоффлер отмечал, что технологические инновации приводят к изменению механизмов общественной организации и форм политического участия [12, с. 389–421].

Таким образом, внедрение цифровых государственных сервисов привело к комплексной трансформации характера взаимодействия граждан с государственными институтами. Изменились формы административной коммуникации, механизмы предоставления услуг, способы социальной идентификации и модели политического участия. Цифровизация государственного управления стала важным фактором изменения общественных отношений и формирования новых механизмов социальной организации в условиях информационного общества.

Институциональный тип трансформации социальных отношений в условиях возникновения и распространения «нового» как социокультурного феномена проявляется в перестройке устойчивых форм социальной организации, которые фиксируют и воспроизводят нормы, роли и правила взаимодействия между социальными акторами. В данном контексте «новое» выступает как фактор, нарушающий инерцию сложившихся институ-

тов и инициирующий процесс их адаптации, замещения либо функциональной переориентации.

Ключевой особенностью институциональной трансформации является то, что изменения затрагивают не отдельные элементы социальной структуры, а базовые механизмы ее воспроизводства — право, экономические отношения, систему образования, государственное управление, семью и формы социальной стратификации. Возникновение новых практик постепенно приводит к тому, что существующие институты либо интегрируют инновации, изменяя внутреннюю структуру и способы регулирования поведения, либо утрачивают регулятивную эффективность и вытесняются альтернативными институциональными формами.

Важным аспектом данного процесса является институционализация самого «нового», когда первоначально спонтанные или экспериментальные формы социальной практики закрепляются в виде устойчивых норм, правил и организационных структур. Таким образом, инновация перестает быть исключительно событием изменения и превращается в элемент стабильного социального порядка. Одновременно наблюдается институциональный конфликт между новыми и традиционными структурами, в ходе которого перераспределяются ресурсы власти, легитимности и социального контроля.

Следовательно, институциональный тип трансформации социальных отношений можно определить как процесс, при котором распространение «нового» приводит к системному изменению или обновлению социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство общественного порядка, а также к формированию новых правил, норм и организационных механизмов, закрепляющих изменившиеся формы социального взаимодействия.

2. Коммуникативная трансформация

Данный тип трансформации связан с изменением способов передачи информации и форм общественной коммуникации. Возникновение новых средств связи влияет на интенсивность социальных контактов, механизмы социализации и формы коллективного взаимодействия.

О.А. Донских рассматривает «новое» как культурно обусловленный феномен, возникающий в процессе изменения символических, языковых и коммуникативных структур общества. Инновации представляют собой не только техническое обновление, но и изменение культурных смыслов, способов мышления и общественного поведения. Культурная природа «нового» проявляется в способности социума вырабатывать новые формы интерпретации мира, преобразующие социальные отношения, механизмы коммуникации и способы общественной самоорганизации [16, с. 7–153].

Историческим примером является появление книгопечатания в Европе XV в. Распространение печатной продукции ускорило обмен знаниями, расширило доступ к информации и способствовало формированию новых интеллектуальных сообществ.

Изобретение печатного станка Иоганном Гутенбергом не только изменило способы распространения информации, но и существенно повлияло на структуру социальных отношений, механизмы общественной коммуникации и формы коллективного взаимодействия. Распространение печатной продукции ускорило обмен знаниями, расширило доступ к информации и способствовало формированию новых интеллектуальных сообществ, что в конечном итоге привело к коммуникативной перестройке европейского общества.

До появления книгопечатания система передачи знаний основывалась преимущественно на рукописной культуре. Переписывание книг осуществлялось вручную, что ограничивало количество текстов и делало их доступными главным образом представителям духовенства, университетской среды и аристократии. Информационные потоки оставались локализованными, а коммуникация между различными интеллектуальными центрами развивалась медленно. Печатный станок радикально изменил данную ситуацию, обеспечив массовое тиражирование текстов и снижение стоимости книг. Вследствие этого существенно расширился круг людей, вовлеченных в процессы получения и распространения знаний.

Распространение печатной продукции способствовало ускорению культурного и научного обмена между различными регионами Европы. Печатные книги, трактаты, памфлеты и переводы научных трудов стали важнейшим механизмом трансляции новых идей и формирования общеевропейского интеллектуального пространства. Благодаря печати знания перестали быть исключительно локальным ресурсом отдельных монастырей и университетов, приобретая более универсальный и общедоступный характер. Как отмечает М. Маклюэн, развитие печатной культуры привело к изменению структуры общественного сознания и способов социальной коммуникации, поскольку печатное слово стало новым инструментом организации коллективного опыта [8, с. 149–176].

Важнейшим последствием распространения книгопечатания стало формирование новых интеллектуальных сообществ. Печатные тексты обеспечили возможность более интенсивного взаимодействия между учеными, философами, богословами и представителями гуманистической мысли. Возникли устойчивые сети интеллектуальной коммуникации, основанные на регулярном обмене идеями, комментариями и научными трудами. Это способствовало развитию гуманизма, становлению научной рациональности и формированию предпосылок научной революции Ново-

го времени. Э. Эйзенштейн подчеркивала, что книгопечатание стало важнейшим фактором стандартизации знаний и ускорения культурной интеграции европейского общества [18, р. 113–136].

Существенные изменения произошли и в сфере религиозных отношений. Распространение печатных переводов Библии и религиозной литературы усилило процессы Реформации и изменило характер взаимодействия между церковью и верующими. Возможность самостоятельного чтения религиозных текстов способствовала росту индивидуализации сознания и ослаблению информационной монополии церковных институтов. В результате менялись не только формы религиозной коммуникации, но и механизмы общественного авторитета.

Печатная культура оказала влияние и на политическую сферу. Распространение политических трактатов, публичных обращений и публицистики создавало предпосылки для формирования элементов общественного мнения и расширения пространства публичной дискуссии. Коммуникация постепенно выходила за пределы локальных сообществ и приобретала общеевропейский характер [8, с. 149–176].

Э. Эйзенштейн рассматривала книгопечатание как фактор политической и культурной интеграции Европы. Исследователь подчеркивала, что распространение печатной продукции способствовало развитию общественной дискуссии, стандартизации политических идей и ускорению распространения реформаторских движений [18, р. 113–136].

Ю. Хабермас в труде «Структурные изменения публичной сферы» связывал развитие печатной культуры с формированием публичной сферы Нового времени. По мнению Хабермаса, распространение газет, журналов и печатной публицистики создало условия для возникновения общественного мнения и новых форм политического участия граждан [13, с. 83–112].

Б. Андерсон в работе «Воображаемые сообщества» отмечал, что печатный капитализм сыграл важную роль в формировании национальных государств и политической идентичности. Распространение печатной продукции способствовало возникновению устойчивых культурно-политических сообществ и развитию национального самосознания [1, с. 54–76].

Ф. Барбье рассматривал книгу как важнейший социокультурный институт, развитие которого способствовало трансформации механизмов общественной коммуникации, распространению знаний и изменению структуры социальных отношений [2].

Таким образом, появление книгопечатания в Европе XV века стало важнейшим этапом коммуникативной трансформации социальных отношений. Распространение печатной продукции ускорило обмен знаниями, расширило доступ к информации и обеспечило формирование новых интеллектуальных сообществ. В результате изменились механизмы обще-

ственной коммуникации, структура культурного взаимодействия и формы социальной организации европейского общества.

Современным примером выступает развитие социальных сетей и цифровых платформ, изменивших характер публичной коммуникации и механизмы формирования общественного мнения.

М. Кастельс показывает, что в условиях сетевого общества коммуникация перестает выполнять вспомогательную функцию и становится базовым механизмом социальной организации, поскольку именно через информационные сети формируются экономические связи, властные отношения и социальные структуры [7, с. 469–548].

Коммуникативный тип трансформации социальных отношений в условиях возникновения и распространения «нового» как социокультурного феномена проявляется прежде всего в изменении способов производства, передачи и интерпретации информации, через которые выстраиваются устойчивые формы социального взаимодействия. Новое в данном контексте выступает не только как содержательное обновление знаний, технологий или практик, но и как перестройка самих каналов коммуникации, определяющих, какие социальные связи становятся доминирующими, а какие утрачивают значимость.

В рамках данного типа трансформации ключевым становится смещение от локальных, иерархически организованных и персонализированных форм взаимодействия к сетевым, распределенным и технологически опосредованным коммуникационным структурам. Это приводит к тому, что социальные отношения начинают формироваться не столько на основе непосредственного межличностного контакта или традиционных институтов, сколько через включенность акторов в информационные потоки и коммуникационные сети. Соответственно, меняется сама логика социальной интеграции: она становится более динамичной, фрагментированной и зависящей от доступа к каналам обмена информацией.

Коммуникативная трансформация также выражается в расширении публичного пространства и усложнении механизмов социального влияния. Новые формы коммуникации создают условия для ускоренного распространения инноваций, ценностей и моделей поведения, что усиливает вариативность социальных практик и повышает скорость институциональных изменений. При этом возрастает роль медиаторов – цифровых платформ, медиа-среды и алгоритмических систем, которые начинают выполнять функцию структурирования социальных взаимодействий.

Таким образом, коммуникативный тип трансформации социальных отношений можно определить как процесс, при котором возникновение и распространение «нового» радикально перестраивает не только содержание социальных взаимодействий, но и их инфраструктуру, превращая

коммуникацию в основной механизм организации общества и ключевой фактор его динамического изменения.

3. Ценностно-культурная трансформация

Ценностно-культурная трансформация проявляется в изменении мировоззренческих установок, культурных норм и представлений о социальных ролях. Под воздействием «нового» общество постепенно переосмысливает традиционные модели поведения.

Распространение книгопечатания в Европе XV–XVI вв. привело к радикальному изменению религиозной культуры: доступ к текстам Священного Писания и богословским трактатам стал массовым, что подорвало монополию церковной интерпретации.

В результате изменились ценностные основания религиозного авторитета: от институционального посредничества к индивидуальному прочтению и личной интерпретации веры [18, р. 304–336; 431–456; 8, с. 121–178].

Примером является распространение идей гуманизма в эпоху Возрождения, когда внимание к личности и индивидуальности стало вытеснять средневековую религиозно-корпоративную систему ценностей [14, с. 357–402].

Индустриальная революция изменила не только экономические отношения, но и культурные представления о труде, семье и социальной роли индивида. Труд перестал быть частью семейно-общинной жизни и стал наемной деятельностью, отделенной от домохозяйства. Это сопровождалось изменением ценностей: труд стал восприниматься как экономическая функция, а не как традиционная обязанность, что повлияло на трансформацию гендерных ролей и семейной модели [15, с. 239–295].

В условиях информационного общества распространение цифровых технологий и социальных сетей привело к изменению ценностных ориентаций от коллективной идентичности к индивидуализации и культуре самовыражения.

Р. Ингхарт отмечает, что модернизация сопровождается переходом от ценностей выживания к ценностям самовыражения и личной автономии [6, с. 73–96].

Социальные отношения начинают строиться вокруг персональной идентичности, публичной репрезентации и сетевого признания, что трансформирует представления о социальном статусе и успехе [7, с. 329–436; 6, с. 90–201].

Ценностно-культурный тип трансформации социальных отношений в контексте возникновения и распространения «нового» как социокультурного феномена проявляется в изменении глубинных оснований социальной регуляции поведения – норм, смыслов, установок и символических интерпретаций, через которые общество осмысляет действительность

и конструирует модели взаимодействия. В отличие от институциональных или коммуникативных изменений, здесь трансформация затрагивает не столько формы организации, сколько ценностное ядро социальной системы, определяющее допустимое и недопустимое, значимое и второстепенное в общественной жизни.

Появление «нового» в данной перспективе выступает как триггер переоценки традиционных культурных ориентиров и формирования альтернативных смысловых моделей. Социальные отношения начинают перестраиваться не только под влиянием внешних структурных изменений, но и вследствие изменения коллективных представлений о легитимности социальных практик, статусе индивида, границах социальной нормы и допустимых формах поведения. Это приводит к постепенному смещению ценностного консенсуса общества и формированию новых культурных кодов взаимодействия.

Особое значение приобретает процесс ценностной дифференциации, при котором в обществе одновременно сосуществуют традиционные и инновационные системы смыслов. Их взаимодействие может носить как конфликтный, так и интегративный характер, однако в долгосрочной перспективе именно новые ценностные ориентации определяют направление изменения социальных практик и институциональных форм. Таким образом, трансформация ценностей выступает скрытым, но фундаментальным механизмом перестройки социальной структуры.

Следовательно, ценностно-культурный тип трансформации социальных отношений можно определить как процесс изменения смысловых оснований общественной жизни, при котором возникновение и распространение «нового» приводит к переосмыслению социальных норм, трансформации культурных кодов и формированию обновленной системы ценностных ориентиров, определяющих характер и динамику социального взаимодействия.

4. Технологическая трансформация

Технологическая трансформация возникает в результате внедрения новых технических средств и способов производства, изменяющих структуру общественного взаимодействия.

Одним из важнейших примеров является появление письменности, которое привело к формированию административных систем, развитию права и возникновению слоя образованных людей – писцов и чиновников.

Современным примером выступает развитие искусственного интеллекта и автоматизации, влияющих на рынок труда, профессиональную структуру общества и формы занятости.

Как отмечал Э. Тоффлер, технологические инновации становятся причиной масштабных изменений образа жизни и социальной организации общества [12, с. 31–84].

Технологический тип трансформации социальных отношений в контексте возникновения и распространения «нового» как социокультурного феномена выражается в том, что именно изменения в способах производства, хранения и передачи информации, а также в материальных средствах коммуникации и деятельности становятся первичным источником перестройки социальной структуры. В данном случае «новое» проявляется прежде всего как внедрение технологических инноваций, которые переопределяют условия взаимодействия между индивидами, группами и институтами.

Ключевая особенность данного типа трансформации заключается в том, что технологическое нововведение не ограничивается сферой инструментария, а постепенно изменяет саму логику социального действия. Появление новых технических средств коммуникации, производства или обработки данных приводит к перераспределению социальных ролей, возникновению новых форм занятости, изменению характера кооперации и усилению зависимости социальных связей от технологической инфраструктуры. Социальные отношения при этом приобретают более опосредованный, функционально специализированный и сетевой характер.

Одновременно технологическая трансформация оказывает кумулятивное воздействие на институциональные и ценностные структуры общества. Первоначально воспринимаемое как сугубо прикладное новшество, технологическое «новое» постепенно институционализируется, закрепляясь в нормах, правилах и устойчивых моделях поведения. В долгосрочной перспективе это приводит к изменению баланса между традиционными и инновационными формами социальной организации, а также к формированию новых режимов социального контроля и координации.

Таким образом, технологический тип трансформации социальных отношений можно определить как процесс, при котором возникновение и распространение технологических инноваций выступает системообразующим фактором изменения структуры общества, трансформируя способы взаимодействия, перераспределяя социальные функции и формируя новые устойчивые модели социального порядка.

5. Стратификационная трансформация

Данный тип связан с изменением социальной структуры общества и появлением новых социальных слоев. Возникновение «нового» приводит к перераспределению статусов, ресурсов и форм социальной мобильности.

Появление новых технологий, форм хозяйственной деятельности и способов коммуникации приводит к формированию новых социальных

групп и слоев, обладающих специфическими функциями, статусом и механизмами включения в общественную систему. Стратификационная трансформация социальных отношений проявляется в перераспределении экономических ресурсов, изменении профессиональной структуры и возникновении новых оснований социального неравенства.

П. Сорокин рассматривал социальную мобильность как один из важнейших механизмов изменения социальной структуры общества [11, с. 33–79].

Одним из наиболее показательных примеров является рассмотренный пример формирования промышленной буржуазии и индустриального рабочего класса в период промышленной революции XVIII–XIX вв.

Другим примером стратификационной трансформации является формирование научно-технической и управленческой элиты в условиях постиндустриального общества XX в. Развитие информационных технологий, науки и сферы услуг привело к росту значения интеллектуального труда и профессиональной квалификации. В этих условиях возникает новый слой специалистов: инженеров, аналитиков, экспертов, управленцев и работников информационного сектора, обладающих высоким уровнем образования и доступом к ключевым информационным ресурсам. Д. Белл отмечал, что постиндустриальное общество характеризуется переходом к доминированию знаний и информации как основных факторов социальной организации, вследствие чего возрастает роль профессионально-технических групп [3, с. 84–146].

Еще одним примером можно считать формирование цифровых сетевых сообществ и новой стратификации в информационном обществе начала XXI в. Распространение интернета, цифровых платформ и сетевых коммуникаций привело к возникновению социальных групп, чье положение определяется уровнем доступа к информационным технологиям и способности интегрироваться в глобальные коммуникационные сети. Появляются новые профессиональные и социальные категории: IT-специалисты, цифровые предприниматели, блогеры, создатели цифрового контента и участники платформенной экономики. Одновременно усиливается различие между включенными и исключенными из цифровой среды группами населения. М. Кастельс подчеркивал, что в сетевом обществе социальная структура все в большей степени определяется включенностью индивидов и групп в информационные сети и коммуникационные потоки [7, с. 408–462].

Таким образом, стратификационная трансформация социальных отношений представляет собой важное следствие распространения «нового» как социокультурного феномена. Технологические и культурные инновации изменяют критерии социального статуса, создают новые профессиональные и социальные группы, а также формируют новые механизмы социального неравенства и социальной мобильности.

Стратификационный тип трансформации социальных отношений в контексте возникновения и распространения «нового» как социокультурного феномена проявляется в изменении принципов социального расслоения общества, перераспределении статусов и возникновении новых оснований социальной дифференциации. Появление инновационных форм деятельности, технологий, коммуникации и организации труда приводит к тому, что традиционные критерии общественного положения постепенно утрачивают определяющее значение, уступая место новым механизмам социального разграничения, связанным с доступом к знаниям, информации, профессиональным компетенциям и технологическим ресурсам.

Особенность данного типа трансформации заключается в том, что «новое» изменяет не только структуру занятости или профессиональный состав общества, но и сами способы социальной мобильности. Возникают новые социальные группы и слои, чье положение определяется способностью адаптироваться к инновационным условиям и включаться в изменяющуюся систему общественных отношений. Одновременно часть традиционных социальных категорий утрачивает прежние экономические и статусные преимущества, что усиливает процессы социальной дифференциации и перераспределения символического капитала.

Стратификационная трансформация сопровождается изменением критериев социальной престижности и общественного влияния. В условиях распространения «нового» ключевым фактором социального статуса все чаще становится не происхождение или принадлежность к устойчивым корпоративным структурам, а уровень образования, доступ к информационным потокам, способность к инновационной деятельности и участие в производстве знаний. Это приводит к усложнению социальной структуры и формированию новых моделей неравенства, основанных на различиях в уровне включенности в современные технологические и культурные процессы.

Таким образом, стратификационный тип трансформации социальных отношений можно определить как процесс изменения социальной структуры общества под воздействием «нового», при котором формируются новые социальные группы, изменяются механизмы социальной мобильности и возникают иные критерии распределения статуса, ресурсов и общественного влияния.

Заключение

Анализ трансформации социальных отношений в контексте возникновения «нового» позволяет сделать следующие выводы:

1. «Новое» как социокультурный феномен характеризуется инновационностью, трансформационным потенциалом, коммуникативной природой, противоречивостью, социокультурной обусловленностью, способ-

ностью изменять механизмы социальной идентификации, динамичностью. Данные характеристики позволяют рассматривать «новое» как один из ключевых факторов трансформации социальных отношений и общественного развития в целом.

2. Трансформация социальных отношений под воздействием «нового» носит комплексный и неоднородный характер. Коммуникативный тип трансформации связан с изменением способов передачи информации и форм социального взаимодействия; институциональный – с перестройкой устойчивых норм и организационных механизмов; ценностно-культурный – с переосмыслением базовых смыслов и моделей поведения; технологический – с изменением материальных условий общественной деятельности; стратификационный – с перераспределением статусов, ролей и механизмов социальной мобильности. При этом указанные типы трансформации не существуют изолированно, а находятся в состоянии постоянного взаимовлияния, образуя единую систему общественных изменений.

3. Типы трансформации социальных отношений в контексте возникновения и распространения «нового» следует рассматривать как взаимосвязанные формы исторического изменения общества, отражающие процесс перехода от одних способов социальной организации к другим. Изучение данных процессов позволяет выявить закономерности общественного развития, механизмы адаптации социума к инновациям и особенности формирования новых моделей социального взаимодействия в условиях постоянно изменяющейся культурной и технологической среды.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма: пер. с англ. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.
2. *Барбье Ф.* Европа Гутенберга: книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.). – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 496 с.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 944 с.
4. *Донских О.А.* Инновационный круг // Инновации как драйвер социо-культурного развития / ред. В.И. Супрун. – Новосибирск: Тренды, 2013. – С. 241–256.
5. *Донских О.А.* Модернизация – инноватизация – экспертная рефлексия // Инновационный человек и инновационное общество. – Новосибирск: Тренды, 2012. – С. 238–252.
6. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
9. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
10. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.
11. Сорокин П. Социальная мобильность. – М.: Academia, 2005. – 588 с.
12. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 783 с.
13. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. – М.: Весь мир, 2001. – 368 с.
14. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 768 с.
15. Хобсбаум Э. Век революций: Европа, 1789–1848. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 560 с.
16. Цифровизация в социокультурном измерении: монография / под ред. О.А. Донских. – Новосибирск: НГУЭУ, 2023. – 248 с.
17. Шумпетер Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
18. Eisenstein E. The Printing Press as an Agent of Change. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 794 p.
19. Rogers E. Diffusion of Innovations. – 5th ed. – New York: Free Press, 2003. – 576 p.

References

1. Anderson B. *Vobrazhaemye soobshchestva: razmysleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow, Kanon-Press-C Publ., 2001. 288 p.
2. Barbier F. *Evropa Gutenberga: kniga i izobretenie zapadnogo moderna (XIII–XVI vv.)* [L'Europe de Gutenberg: le livre et l'invention de la modernité occidentale, XIIIe–XVIe siècle]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 496 p. (In Russian).
3. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt social'nogo prognozirovaniya* [The Future of Post-Industrial Society: Social Forecasting Experience]. Moscow, Academia Publ., 2004. 944 p.
4. Donskikh O.A. Innovatsionnyi krug [The Innovative Circle]. *Innovatsii kak draiver sotsio-kul'turnogo razvitiya* [Innovation as a driver of socio-cultural development]. Novosibirsk, Trendy Publ., 2013, pp. 241–256.
5. Donskikh O.A. Modernizatsiya – innovatizatsiya – ekspertnaya refleksiya [Modernization – Innovation – Expert Reflex]. *Innovatsionnyi chelovek i innovatsionnoe obshchestvo* [Innovative man and innovative society]. Novosibirsk, Trendy Publ., 2012, pp. 238–252.
6. Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Sequence of Human Development]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 464 p. (In Russian).

7. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society, and Culture]. Moscow, HSE Publ., 2000. 608 p. (In Russian).
8. McLuhan M. *The Gutenberg galaxy: the making of typographic man*. Toronto, University of Toronto Press, 1962 (Russ. ed.: Maklyuen M. *Galaktika Gutttenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 496 p.).
9. Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. 320 p.
10. Sorokin P. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. St. Petersburg, RKHGI Publ., 2000. 1056 p.
11. Sorokin P. *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social mobility]. Moscow, Academia Publ., 2005. 588 p.
12. Toffler A. *The third wave*. New York, Morrow, 1980 (Russ. ed.: Toffler E. *Tret'ya volna*. Moscow, AST Publ., 2004. 783 p.).
13. Habermas J. *Strukturnye izmeneniya publichnoi sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [Structural Changes in the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow, Ves' mir Publ., 2001. 368 p. (In Russian).
14. Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ya* [Autumn of the Middle Ages]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 768 p. (In Russian).
15. Hobsbaum E. *Vek revolyutsii: Evropa, 1789–1848* [The age of revolution : Europe 1789–1848]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999. 560 p. (In Russian).
16. Donskikh O.A., ed. *Tsifrovizatsiya v sotsiokul'turnom izmerenii* [Digitalization in the Sociocultural Dimension]. Novosibirsk, NSUEM Publ., 2023. 248 p.
17. Schumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: issledovanie predprinimatel'skoi pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'unktury* [Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle]. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p. (In Russian).
18. Eisenstein E. *The Printing Press as an Agent of Change*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 794 p.
19. Rogers E. *Diffusion of Innovations*. New York, Free Press, 2003. 576 p.

Статья поступила в редакцию 21.05.2026.

Статья прошла рецензирование 19.06.2026.

The article was received on 21.05.2026.

The article was reviewed on 19.06.2026.